

I. ROZPRAWY I ANALIZY

Светлана М. Толстая
(Москва)

РУССКАЯ ЧЕСТЬ И ПОЛЬСКИЙ HONOR

Autorka analizuje semantykę ros. ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО i pol. CZEŚĆ, HONOR i GODNOŚĆ, pokazując różnice i podobieństwa. Rosyjski koncept ЧЕСТЬ ma dwie strony: zewnętrzną (szacunek okazywany komuś, np. *čest' i slava gerojam*) i wewnętrzną (wysoka wartość moralna, np. *čelovek česti, čestnyj čelovek*). To zróżnicowanie semantyczne znajduje potwierdzenie w różnych szeregach synonimicznych oraz w derywatach i frazeologizmach. Taka dwoistość znaczeniowa, obecna w ros. pojęciu ЧЕСТЬ, jest właściwa wszystkim językom słowiańskim, przedłuża bowiem pierwotne słowiańskie znaczenie słowa *čьstь (od czasownika *čisti / čьsti* o znaczeniu 'czcić, poważać'). Pierwotne znaczenie „akcjonalne” rozwijało się w znaczenie abstrakcyjne 'poważanie, szacunek', a dalej też w bardziej konkretne znaczenie 'odznaczenie'. Semantyczną strukturę konceptu autorka analizuje, wychodząc od aktantów czasownika *czcić*, pyta o podmiot (kto czci), o obiekt (kogo ten ktoś czci), o relacje łączące podmiot z obiektem czci i za co ktoś kogoś czci. Rosyjskie derywaty i frazeologizmy (*okazat' čest', byt' v česti* itp.), podobnie jak w innych językach słowiańskich odnoszą się przede wszystkim do strony zewnętrznej (okazywania czci komuś), podczas gdy strona wewnętrzna (to, za co się komuś okazuje cześć) jest historycznie wtórna. Prototypowo subjektem predykatu *čestnyj* jest człowiek, wartościowany zwykle przez negację, czego nie robi: nie kłamie, nie kradnie itd., co zakłada, że ważną wartością dla mówiących jest prawda, sprawiedliwość itd. W języku rosyjskim „zewnętrzne” znaczenie czci (okazywanie szacunku) i przymiotnika *čestnyj* w ciągu wieków słabnie, utrwała się w wyrażeniach klišowanych, a narasta znaczenie „wewnętrzne”, etyczne, które znajdujemy już w XIX wieku, u Puszkina, Lermontowa (*pogib poet – nevol'nik česti*), Lwa Tołstoja i we współczesnym hasłach politycznych (*čestnye vybory*).

W języku polskim odpowiednikiem ros. konceptu *česti* jest zapożyczony z łaciny *honor*, definiowany jako 'godność osobista' (*słowo honoru, sprawa honoru*), ale lm. *honory (czynić)* ma znaczenie „zewnętrzne”. Stpol. *cześć* odnosiła się do okazywania szacunku, ma więc wymiar zewnętrzny.

W obu językach autorka stwierdza podobną tendencję do wyrażania „wewnętrznej” semantyki ros. *честь* i pol. *honor*. Tendencja ta odpowiada rosnącemu zainteresowaniu światem wewnętrznym człowieka i cechami jego osobowości. W obu językach funkcjonują też osobne leksemy dla wyrażenia cech i zachowań człowieka w perspektywie wartości moralnych, niezależnych od zewnętrznych ocen: pol. GODNOŚĆ, ros. DOSTOINSTVO.

SŁOWA KLUCZOWE: godność, honor, semantyka kulturowa, wartości

Концепт ЧЕСТЬ имеет две стороны – «внешнюю» (почитание, уважение и далее – почет, почести, знаки уважения, награда) и «внутреннюю» (высокие моральные качества, моральный кодекс личности). В выражении *оказать честь, в честь кого-л., быть в чести, честь и слава героям, чувствовать, почести, честолюбие* и т.д. мы имеем дело в «внешней» честью, а в выражениях *человек чести, задеть чью-нибудь честь, честное слово, честный человек, по-честному* и т.п. – имеется в виду «внутренняя» честь, т.е. свойство или совокупность свойств, присущих носителю чести. *Честь* во «внешнем» и *честь* во «внутреннем» значении употребляются в разных контекстах и входят в разные синонимические ряды: «внешняя» *честь* оказывается синонимична таким словам, как *уважение, поклонение, почет, слава, репутация, реноме, имя* и т.п., а «внутренняя» честь – таким словам, как *достоинство, порядочность, справедливость, правдивость, совесть, искренность, верность, долг, целомудрие* и т.п. Эта двойственность понятия «честь» и лексики чести прослеживается во всех славянских языках. В русском языке оба вида понятий выражаются словом *честь* и его дериватами.

Слово *честь* известно всем славянским языкам – праслав. **čьstь* происходит от глагола *čisti / čьsti – čьtq* (ЭССЯ 4: 119, 175–176), означавшего ‘читать, почитать’ (наряду с другими значениями – ‘считать’, ‘читать’, ‘наделять значением’, ‘думать, полагать’), и имеет первоначальное стандартное «акциональное» значение ‘почитание, уважение’, которое далее закономерно развивает, наряду с акциональным, абстрактное «предметное» значение – ‘почет’, а затем и более конкретное предметное значение – ‘почести, знаки уважения, награда’.

Семантическая структура исходной ситуации, обозначаемой глаголом *čisti (čьsti)* в значении ‘читать (почитать)’, предполагает существование, во-первых, **субъекта** (того, кто почитает, ср. ст.-слав.

ЧЬСТИВЬ ‘учтивый, вежливый, аще кто тебе чсть творить’, рус. *почитатель*, устар. *честитель* ‘почитатель, блюститель’), во-вторых, **объекта** (предмета почитания, того или чего, что почитают, ср. почтительное обращение *ваша честь*, призыв *честь ему и слава* и т.п.), в-третьих, самого **отношения** субъекта к объекту, выражаемого предикатом ‘чтить, почитать’ и именными дериватами типа *почитание*, *почет*, *почесть*; в-четвертых, еще одного актанта – того, за что данный объект почитается, т.е. «причины», или **основания** почитания, как правило, имплицитного (лексически не выраженного).

Эта ситуация соответствует изначальному, «внешнему» понятию чести, производному от семантики предиката; она отражена в древнейших значениях существительного *честь* и его дериватов во всех славянских языках. Семантика «внутренней» чести, по-видимому, возникает вторично, в результате семантического развития «внешней» чести, и в этом развитии существенную роль играет именно последний, четвертый актант, заключающей в себе «основание» почитания. Именно с ним связано появление значений, относящихся не к почитанию объекта (лица) со стороны других лиц (ср. *оказать честь*, *воздать честь*), а к личным свойствам почитаемого человека, т.е. тем моральным качествам, которые служат основанием для его почитания (уважения) со стороны других. Иначе говоря, *честь* во «внутреннем» значении – это то, за что почитаемое лицо пользуется уважением (это прежде всего благочестие, соблюдение религиозных и моральных норм).

Разумеется, существуют контексты диффузного характера, в которых указанные два типа значений совмещаются или различаются нечетко, например, рус. *бесчестить* (ср. *обесчестить девушку*) может означать и ‘лишать уважения других’, и ‘лишать «внутренней» чести, достоинства’. В выражении *Это затрагивает его честь* может иметься в виду как значение ‘репутация’, так и значение ‘достоинство’, тогда как *Это оскорбляет его честь* подразумевает скорее чувство собственного достоинства, чем репутацию. Пословица *Береги честь смолоду* подразумевает прежде всего «внешнюю» честь, доброе имя, уважение окружающих, но отчасти имеет в виду и верность усвоенным с молодости собственным высоким моральным принципам, т.е. «внутренней» чести.

Однако общая тенденция к разграничению или даже поляризации значений несомненна. Часть многозначных слов утрачивает одно из значений, например, в русском языке *честный* могло иметь, с одной стороны, «внешнее» значение ‘уважаемый, почетный, превозносимый, прославляемый’: *Законоучитель честен всем людям* (т.е. он объект почитания, почитаемый), а с другой – ‘тот, в ком есть честь, достоинство,

благородство, доблесть и правда; человек прямой, правдивый, неуклонный по совести своей и долгу; надежный в слове, кому во всем можно доверять' (Даль IV: 1327). Наречие *честно* в прошлом могло значить и 'с честью, почетно, почтительно': *Не честно приняли его, Не честно просишь, нехотно дать*, и 'справедливо': *честно выиграть*, и 'добросовестно': *честно трудиться* (Даль IV: 1327). В обоих случаях первое («внешнее») значение ушло из употребления, уступив место «внутренней» семантике честности. Или же слова начинают разграничиваться какими-то формальными признаками, например, в русском языке семантически разошлись *честный* и *честной*: первое закрепило за собой только «внутреннюю» семантику ('порядочный, справедливый, добросовестный'), а второе (хотя и устаревшее) сохранило «внешнюю» семантику 'почтенный, уважаемый': *при всем честном народе, честная компания*.

Эти два вида значений, условно названные здесь «внешними» и «внутренними», представляют собой не единичные значения, а целые автономные блоки значений со своей особой семантической структурой и линиями развития. Например, «внешний» блок может включать такие (производные от первичного) более узкие и специальные значения, как 'чествование, торжество, празднование, праздник' (диал. *звать на честь*), и далее 'угощение' (*Была бы честь предложена, а от убытку Бог избавил*; диал. *честить* 'радушно угощать', *честь, почесть, почестье*), 'приданое невесты' (вологод. *Придут от жениха сваты и смотрят, какая честь у невесты-то* – СВГ 12: 39), 'высокое звание, чин, должность' (*Прибавят чести и дадут жалованья*), *почести* 'дары, приношения участникам свадьбы' (СРНГ 31: 6); 'награда', 'соблюдение (законов, приличий и т.п.)', а «внутренний» – такие значения, как 'правдивый, искренний', 'порядочный' (рус. *честно говоря* = *откровенно говоря, по правде говоря*) и др.

В старославянском языке слова интересующего нас гнезда имели преимущественно «внешнюю» семантику, т.е. значения, отражающие не внутренние моральные свойства личности, а отношение к человеку (или явлению) других людей. Так, по данным «Пражского словаря», слово **ЧЬСТЬ** имело значения 'почтение, уважение, почет', 'почитание, культ, религия', и далее могло означать ритуальные формы проявления этого отношения – 'чествование, празднование, праздник, торжество', а также предметные знаки этого отношения – 'дар, награда', затем вообще 'ценность, драгоценность': **ЧЬСТНОЕ КАМЕНИЕ** 'драгоценные камни' (SSJ 4: 902–905). Прилагательное **ЧЬСТЬНЪ** имело прежде всего «объектное» («пассивное») значение 'почтенный, достойный уважения, до-

сточтимый', т.е. тот, кого почитают, но могло иметь и «субъектное» значение 'благочестивый, почитающий Бога, богобоязненный, религиозный', т.е. тот, кто почитает (SSJ 4: 905–908). Именно такие «субъектные» значения стали основой дальнейшего семантического развития в сторону «внутренних» значений, относящихся к моральным характеристикам человека ('чтущий Бога, богочестивый, благочестивый' > 'обладающий высокими моральными качествами'). «Пражский словарь» отмечает и некоторые случаи, в которых можно усматривать «внутреннюю» семантику, например, **чѣсть высоты** 'высокомерие' (SSJ 4: 904), **чѣстьнь** 'святой' (SSJ 4: 907), однако в большинстве примеров представлено диффузное значение, сохраняющее «внешнюю» семантику почитания.

Древнерусский язык более определенно демонстрирует «внутреннюю» семантику интересующих нас слов, например, *чѣстью* в значении 'добросовестно, честно' (близком к современному): *честно боронивъ отчину свою* (I Псковская летопись, цит. по Срезневский 3: 1573), наряду с «внешним» значением: *держати княжение мое честно и грозно* 'поддерживать власть в почтении и страхе' (Срезневский 3: 1573).

В русском языке заметна тенденция к фразеологизации «внешних» употреблений слова *честь*, закреплению слова за ограниченным числом конструкций типа *оказать честь, делать честь, в честь кого-л. / чего-л.*, разг. *не в чести*, разг. *много чести, быть в чести* и т.п. Есть такие конструкции и с «внутренней» честью: *по чести сказать, честь честью* и др., однако в свободном употреблении слово *честь* и его дериваты (*честный, честно, честность*) развивают в русском языке главным образом «внутреннюю» семантику, связанную с личными моральными качествами и установками человека. В современном языке наблюдается резкое сужение семантики наиболее частотных дериватов слова *честь* прежде всего прилагательного *честный*, которое означает почти исключительно 'правдивый, лишенный обмана'. Вместе с тем в диалектном употреблении *честь, честный* приобретает, наоборот, слишком общее, аксиологически окрашенное значение 'хороший, правильный, такой, как надо', ср. вологод. *Всё честью сделал; Честного слова они не понимают, всё ругаться надо* (СВГ 12: 38–39).

Прототипическим субъектом признака «честный» является человек в его самых разнообразных ипостасях (*честный* гражданин, работник, руководитель, следователь, предприниматель, партнер, христианин, ученый и т.д.), причем это свойство человека как личности точнее всего толкуется через отрицание: *честный человек не лжет, не крадет, не берет взятки, не обсчитывает, не халтурит и т.д., вообще не идет про-*

тив совести. Если же речь идет о человеке, идентифицируемом по роду занятий (рабочий, купец, губернатор, врач, депутат, исследователь, офицер, судья и т.д.), то *честный* означает 'добросовестный' (*честный труженик*) или 'приверженный корпоративной чести'; *честным* может быть даже вор, в этом случае имеется в виду его приверженность кодексу воровской «чести». Носителем признака «честный» может быть не сам человек, а метонимически – действие или деятельность, совершаемые им *честно*, т.е. без обмана и по совести, или их результат (*честный обмен, делёж, заработок, выигрыш, бизнес, служба, бюджет, ответ, образ жизни, бой, счет, подход, журнал, роман* и т.д.). В последнее время появились такие непривычные выражения, как, например, *честный бетон* (так пишут на рекламных щитах) – бетон, приготовленный с правильным соотношением цемента и песка, т.е. без обмана, как положено, с соблюдением правил, или *честный помидор*, т.е. подлинный, настоящий: *Простой честный помидор имел в этом магазине цену и упаковку папайи* (из телевизионной передачи), *честный автобус* и т.п.

Такое семантическое развитие, сужающее семантику *честного* до значения с внутренним отрицанием: *честный* 'не лживый, не обманной' или 'не тайный (открытый)' (ср. *честно говоря = откровенно говоря, по правде говоря*) свидетельствует о том, что важной ценностью для современного языка оказывается ПРАВДА и СПРАВЕДЛИВОСТЬ, тогда как изначально с честью связывалось прежде всего понятие о СЛАВЕ, ПОЧИТАНИИ, УВАЖЕНИИ.

Интересные рассуждения о понятии «честный» и «честность» содержатся в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Москвич Стива Облонский (Степан Аркадьич) рассказывает своему шурину петербургскому сановнику Каренину об обещанном ему хорошем месте в одном важном учреждении:

Место это, как и все такие места, требовало таких огромных знаний и деятельности, которые трудно было соединить в одном человеке. А так как человека, соединяющего эти качества, не было, то все-таки лучше было, чтобы это место занимал честный, чем нечестный человек. А Степан Аркадьич был не только человек честный (без ударения), но он был *честный* человек (с ударением), с тем особенным значением, которое в Москве имеет это слово, когда говорят: *честный* деятель, *честный* писатель, *честный* журнал, *честное* учреждение, *честное* направление, и которое означает не только то, что человек или учреждение не бесчестны, но и то, что они способны при случае подпустить шпильку правительству. Степан Аркадьич вращался в Москве в тех кругах, где введено было это слово, считался там *честным* человеком и потому имел более, чем другие право на это место.

[...] – Да, но ты согласишься, что открывается новое, несомненно полезное учреждение. Как хочешь, живое дело! Дорожат в особенности тем, чтобы дело ведено было *честно*, – сказал Степан Аркадьич с ударением.

Но московское значение *честного* было непонятно для Алексея Александровича. – Честность есть только отрицательное свойство, – сказал он.

(Л. Н. Толстой. «Анна Каренина». Часть 7. Глава XVII)

Современный читатель с удивлением узнает, что то значение *честного*, соединяющее в себе не только моральную, но и политическую (или идеологическую) оценку, которое нам кажется новым в русском языке, появившимся совсем недавно (ср. лозунг «За честные выборы!», см. статью И. А. Седаковой в настоящей книге), – существовало уже в середине XIX века и такими чуткими к языку лицами, как Толстой, улавливалось. Еще одно замечание Толстого – об «отрицательности» свойства честности – обнаруживает в нем тонкого семасиолога, способного на уровне современной семантической науки определить семантическую структуру слова, включающего внутреннее отрицание (*честный* Не лжет, НЕ крадет, НЕ делает подлостей и т.п.).

Когда мы читаем у Пушкина в «Евгении Онегине»: *Но мне порукой ваша честь и смело ей себя вверяю* (письмо Татьяны к Онегину) или *Я знаю, в вашем сердце есть и гордость, и прямая честь* (слова Татьяны Онегину), то мы понимаем, что речь идет о моральной сущности Онегина, о его личных качествах и его личном достоинстве, его благородстве и порядочности, которым доверяет Татьяна, а вовсе не о его репутации. Но когда в стихотворении Лермонтова «На смерть поэта» мы читаем: *Погиб поэт – невольник чести, пал, оклеветанный молвой*, то нам очевидно, что речь идет уже о какой-то другой чести – ведь поэт пал жертвой не своего благородства, но и не своей репутации, – он пал жертвой своей верности дворянской чести, т.е. кодексу жизни и поведения, выработанному определенной социальной группой. Такая семантика «коллективной» или «групповой» чести в современном русском языке очень активна, ср. *офицерская честь, дворянская честь, честь школы, честь страны, врачебная честь, спортивная честь* и т.п. Эту честь обычно защищают, за нее борются или же ее позорят, пятнают; этой чести необходимо следовать (ср. *Жить живи, да честь знай: чужого веку не заедай!*; *Пора и честь знать*, т.е. не нарушать установленных правил). Она одновременно имеет отношение и к «внутренней» чести человека (потому что это «достоинство» группы и тем самым достоинство каждого ее члена), и к «внешней» чести (т.е. к репутации всей группы, например, школы, армии, науки и т.д., и тем самым к репутации каждого члена группы). Вместе с тем подобные значения отчасти переводят семантику чести из сферы морали в сферу установлений, закона, потому что обычно существуют некие писанные или неписанные ко-

дексы чести, диктующие правила поведения (Санников 2006, Шмелев 2002).

Таким образом, в русском языке наблюдается постепенное ослабление «внешней» семантики *чести*, связанной с уважением и почитанием, закрепление ее за клишированными контекстами и усиление и развитие семантики «внутренней» чести. «Внешняя» семантика прилагательного *честный*, т.е. значения ‘почитаемый, уважаемый, пользующийся признанием, известный’ (ср. *Славен у чуждых, бесчестен у своих!* – Феофан Прокопович. «Слово о власти и чести царской», 1718 г.) в современном языке полностью вытеснены из употребления и воспринимаются как сугубо устаревшие. Ср., однако, в наше время обращение патриарха Алексия II к своей пастве: *Возлюбленные о Христе Преосвященные архипастыри, боголюбивые пастыри, бесчестные иноки и инокини, дорогие братья и сестры* (Журнал Московской патриархии. 2004/1: 26), где слова *бесчестные иноки и инокини* означают, конечно, только ‘безвестные, незаметные, скромные’; такое употребление вне специального церковного контекста совершенно невозможно.

В польском языке сфера значений слова *cześć* уже, чем у русской *чести*, поскольку часть смыслов, прежде всего относившихся к «внутренней» чести, перешла к латинскому заимствованию *honor*¹. Однако польские слова *cześć* и *honor* не распределились строго по линии «внешняя – внутренняя» честь, а оба остались многозначными, хотя и в разной степени и применительно к разным контекстам.

При этом в латинском языке у слова *honor* преобладали как раз «внешние» значения, относящиеся не к самоощущению и моральным принципам личности, а к восприятию человека или явления другими людьми, а именно значения: 1) честь, почать, почет, уважение (выражения типа «оказать честь», «быть в чести», «считать честью», «в честь кого-л., чего-л» и т.п.); 2) слава; 3) почетная должность, государственная пост; 4) почетная награда, награждение, вознаграждение; 5) благодарственная церемония, воздание хвалы, хвалебный гимн; 6) жертвы; 7) поэтич. украшение, краса (Дворецкий 1976: 478) и отсутствовали значения, связанные с моралью, личным достоинством, и прочие значения «внутреннего» ряда.

Эти же «внешние» значения преобладают и у старопольского *cześć*: 1) *cześć, dobre imię, honor*; 2) *chwała, sława, rozgłos*; 3) *cnota, dobre obyczaje*; 4) *siła, moc*; 5) *szacunek, uszanowanie*; 6) *godność, zaszczyt*; 7) *ozdoba, chluba* и нек. др. (SSp I/6: 375–378). В польских диалектах,

¹ Этот латинизм, заимствованный из польского, есть и в русском языке, но в показательном узком значении: *гонор* ‘преувеличенная гордость, высокомерие’.

как и в литературном языке, тоже фиксируются исключительно «внешние» значения: 1) szacunek, poważanie, uznanie, kult, uwielbienie; 2) ucza; 3) honor, dobre imię, godność osobista (с примерами типа *Naved dlo matki sfoii ni miou ćci*); 4) rodzaj pozdrowienia (SGP V/13: 121). При этом для выражения «внутренних» значений чести в старопольском используются некоторые дериваты от *część*. Так, прилагательное *uczciwy*, производное от *uczcić* с «внешней» семантикой чести, уже имеет в качестве основного «внутреннее» значение ‘zgodny z zasadami prawa i moralności’ (SSp IX/4(58): 295).

В словаре Дорошевского (SJPD 1: 1137–1138) *część* получает дефиниции, относящиеся главным образом к «внешнему» типу значений, а именно: 1) szacunek, poważanie – *Darzyć cziq, ku czi, na część, odbierać część, Część jego pamięci*; 2) honor, dobre imię godność osobista – *Mściwi i zazdrośni ludzie szarpali jego sławę, odszdzali go od czi i wiary* (= *pozbawiali go szacunku, poważania*). Но в примере *człowiek bez czi i wiary* мы имеем дело уже с «внутренней» трактовкой чести (ср. рус. *человек без стыда и совести*); 3) rodzaj pozdrowienia – *Część pracy!* (= рус. *Слава трыду!*); 4) daw. tytuł grzecznościowy – *wasza część* (= рус. обращение *Ваша честь*). Прилагательные с «внутренней» семантикой *czesny, czestny* ‘засны, учцивы’ в современном языке являются архаизмами.

Основным лексическим знаком для выражения всего спектра концепта ЧЕСТЬ в польском языке стал латинизм *honor*. Но, в отличие от латинского слова, польский *honor* свободно выражает «внутреннюю» семантику чести как элемента самосознания и самоощущения, того, что в словаре Дорошевского определено как ‘godność osobista, uczciwość, szlachetność’: *Punktem jego honoru, patriotyzmem jego stawala się wolność* (SJPD 3: 100–102). Ясно, что здесь идет речь о личных моральных принципах, а не о репутации. То же значение имеет *honor* в выражениях *słowo honoru* (= рус. *слово чести* или *честное слово*); *sprawa honoru* (= рус. *дело чести*), *dług honoru* (= рус. *долг чести*), *sąd honoru* (= рус. *суд чести*), *na honor* (= рус. *честно говоря, ей-богу*).

Честь как уважение и почитание (т.е. «внешняя» честь, *zaszczyt*) выражается словом *honor* и его дериватами, как правило, в идиоматических конструкциях и особых формах. Множественная форма *honory* получает значение ‘почести’, ‘знаки отличия’: *uczczyc honorami wojskowymi*; выражения типа *zrobić honor* ‘оказать честь’ или *Z kim tam honor?* ‘с кем имею честь?’ трактуют *honor* как ‘уважение, признание, почет’, т.е. как знак «внешнего» отношения и оценки. Прилагательное *honorowy* имеет оба типа значений: с одной стороны, свя-

занное с «внутренним» понятием чести, порядочностью: *Niehonorowym jest tchórzstwo*, с другой – с «внешней» честью, почетом: *Matejko był honorowym obywatelem Krakowa, straż honorowa* ‘почетный караул’. Производный глагол *honorować* имеет уже только «внешнюю» семантику: ‘okazywać honor, cześć’, ‘uznawać co za prawomocne’ (SJPD 3: 103–104).

Во многих случаях параллелью к польскому *honor* в русском языке оказывается не *честь*, а *достоинство* (пол. *godność osobista*) – слово, которое в современном языке относится прежде всего к внутреннему миру отдельного человека, его личным качествам и способу его поведения (*чувство собственного достоинства, достойно себя вести, затронуть честь и достоинство человека* и т.п.), но никак не к тому, что связано с восприятием и оценкой человека другими людьми. Если «внутренняя» *честь* предполагает уважение к другим и диктует этические правила поведения (правдивость, благородство, уважение чужого достоинства и др.), то *достоинство* связано с сознанием собственной ценности как личности (или как члена некоторой группы), с самоуважением, диктующим соответствующее поведение человека.

Польское слово *godność* в одних случаях соответствует русскому *честь*, в других – рус. *достоинство*. В работе Р. Гжегорчиковой (Grzegorzczukowa 2012) слову *godność* приписываются следующие главные значения, относящиеся к человеку: 1) «общечеловеческая», объективная ценность человека, независимо от его личных качеств и осознания им своей ценности (= рус. *человеческое достоинство*), 2) поведение человека, основанное на признаваемой им системе моральных ценностей (= рус. *честь, честность, отчасти достоинство*), 3) сознание собственной ценности и чувство самоуважения (= рус. *достоинство*), 4) моральные ценности, присущие национальным, профессиональным и пр. объединениям (группам) людей (= рус. «групповая *честь*). При этом отмечается диффузный характер семантики этого слова («*niedookreśloność semantyczna*»), нестрогое разграничение отдельных значений при сохранении «инвариантного» значения ‘признание ценности человека им самим и другими людьми’.

А. В. Санников, сопоставляя понятие «честь» и «достоинство», приходит к заключению, что «*Честь* отличается от достоинства и тем, что связана с мнением о человеке **других** людей, в то время как *достоинство* совершенно независимо от такого мнения. Потеря чести связана с **позором** для человека, утрата достоинства – с ущербом для его **личности**. Поэтому сохранить сознание собственной ценности, на которое указывает слово *достоинство*, можно и в **одиночестве**, тогда как соответствие морально-этическим правилам, описываемое словом *честь*,

возможно только тогда, когда есть **другие** люди. Сохранить достоинство можно и на необитаемом острове, тогда как понятие чести связано с социумом. [. . .] Связь семантики чести с мнением других людей выступает на первый план в контекстах типа *стоять за честь российского спорта (честь школы)*, а также в значении лексемы *честь 2* (\approx 'почет, уважение')» (Санников 2006: 418). Между тем далее утверждается, что «в норме *достоинство* предполагает не только высокую самооценку субъекта, но и соответствующее отношение со стороны других людей. Тем не менее, этот смысловой компонент не является для семантики достоинства обязательным» (Санников 2006: 418). Заметное противоречие между приведенными высказываниями объясняется тем, что понятие «честь» рассматривается здесь только в аспекте «внешней» семантики и вне семантического спектра дериватов слова *честь*. В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что польское слово *godność*, в отличие от рус. *достоинство*, имеет оба типа значений – как не связанного «с мнением других людей» (*pozucie własnej wartości, szacunek dla samego siebie; honor, duma*), соответствующего рус. *достоинство*, так и предполагающего оценку человека другими людьми (*Nie był wprawdzie bogaty, cenił jednak wysoko swą oficerską godność; obsypyany godnościami*) (SJPD 2: 1209–1210), соответствующего рус. *честь*.

Таким образом, как в русском, так и в польском языке понятия ЧЕСТЬ и ДОСТОИНСТВО обнаруживают близость и пересечение. В обоих языках обозначающие их слова – рус. *честь, достоинство*, пол. *cześć, honor, godność* – нестрого разграничены между собой и в некоторых контекстах оказываются взаимозаменяемыми, а нередко образуют устойчивые сочетания типа рус. *честь и достоинство человека* (ср. также устойчивое выражение *честь и совесть* (или *ни чести ни совести*) с «внутренней» семантикой чести в отличие от столь же устойчивого *честь и слава* с «внешней» семантикой). С другой стороны, между русскими и польскими словами тоже наблюдаются перекрестные отношения. Как было показано, русскому слову *честь* может соответствовать в польском как *cześć*, так и *honor* и *godność*. Однако в польском языке мы не наблюдаем такого сужения значения, которое характерно для современного русского *честный, честность* 'тот, кто не лжет, не обманывает и т.д.', 'правдивость, порядочность и т.п.', при этом соответствующие понятия приверженности правде выражаются в польском языке другими словами того же гнезда – *uczciwy, zasny, uczciwość* и т.п.

Общей для обоих языков является историческая тенденция к выражению «внутренней» семантики слов *честь* и *honor*, отражающая актуальное для культуры нового времени внимание к внутреннему миру

человека, к свойствам его личности. Вместе с тем, эти «новые» значения раскрывают аксиологическое содержание и мотивы исконных значений *чести* и *honoга* как формы «внешнего», общественного признания, уважения и почитания.

Сокращения

- Дворецкий И. Х., 1976, *Латинско-русский словарь*, Москва, изд. 2.
 Санников А. В., 2006, *Понятия достоинства и смирения*, [в:] *Языковая картина мира и системная лексикография*, отв. ред. Ю. Д. Апресян, Москва, с. 405–468.
 СВГ – *Словарь вологодских говоров*, Вологда 1983–2007, вып. 1–12.
 Срезневский И. И., 1893–1903, *Материалы для Словаря древнерусского языка*, т. 1–3, Санкт-Петербург.
 СРНГ – *Словарь русских народных говоров*, Москва–Ленинград–Санкт-Петербург 1965–, вып. 1–.
 Шмелев А. Д., 2002, *Русский язык и внеязыковая действительность*, Москва.
 ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, под ред. О. Н. Трубачева, Москва 1974–, вып. 1–.
 Grzegorzczukowa R., 2012, *Różne rozumienia wyrazu godność we współczesnej polszczyźnie*, [w:] R. Grzegorzczukowa, *Świat widziany poprzez słowa. Szkice z semantyki leksykalnej*, Warszawa, s. 76–92.
 SGP – *Słownik gwar polskich*, t. 1–, z. 1–, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1979.
 SJPD – *Słownik języka polskiego*, red. W. Doroszewski, t. 1–11, Warszawa 1958–1969.
 SJS – *Slovník jazyka staroslověnského*, t. 1–4, Praha 1966–1997.
 SSp – *Słownik staropolski*, t. 1–11, Warszawa–Kraków–Gdańsk 1953–2002.

THE RUSSIAN ČEST' AND THE POLISH HONOR

The author compares the semantics of the Russian *čest'* and *dostoinstvo* with that of the Polish *cześć*, *honor* and *godność*. The Russian *čest'* is characterized by two aspects: external (respect for someone, e.g. *čest' i slava geroyam* 'honor and glory to the heroes') and internal (a high moral value, e.g. *čelovek česti*, *čestnyy čelovek* 'a person of honour'). This semantic differentiation is manifested in synonymous sets, derivatives and phraseological units. The semantic duality of this kind is characteristic of all Slavic languages: it is a continuation of the Proto-Slavic meaning of *čьstь (from the verb *čisti/čьsti* 'revere, respect'). The original "actional" meaning developed into the abstract 'respect, deference', and then into the more concrete 'medal, award'. The semantic structure of the concept is analyzed through the actants of the verb *čtit'*: its subject (who respects?), object (who is respected?), the relation between them, and the reason why a person is respected. Russian derivatives and phraseological units (*okazat' čest'* 'show respect', *byt' v česti* 'be respected' etc.), similarly to other Slavic languages, mainly refer to the external aspect (showing respect towards someone), whereas the internal aspect (the reason why someone is respected) is historically secondary. Prototypically, the subject of *čestnyy* (adj.) is

a person, evaluated mainly through what they do *not* do: lie, steal, etc. (therefore, truth and justice are important values for the speakers). In Russian, the “external” aspect of *čest’* and *čestnyy* has weakened over the centuries (it is preserved in stereotyped usages) and the “internal”, ethical aspect had gained strength – the latter is already found in the 19th c., in the writings of Pushkin, Lermontov (*pogib poet – nevol’nik česti* ‘a poet has died, a slave to *čest’*’), Lev Tolstoy and in political slogans (*čestnye vybory* ‘fair elections’).

The Polish counterpart of the Russian *čest’* is the Latin loan word *honor*, defined as ‘personal dignity’ (*słowo honoru* ‘word, promise’, lit. ‘the word of honour’, *sprawa honoru* ‘a matter of honour’), but the plural *honory* (*czynić honory* ‘do the honours’) has an “external” meaning. Old-Polish *cześć* referred to acts of showing respect, which points to its external dimension.

In both languages, there is now a tendency to express the “internal” aspects of the semantics of the Russian *čest’* and Polish *honor*, in accord with the growing interest in human inner life and people’s personality. In both languages, too, there exist lexemes that express the features and behaviour of people in the context of moral values, independent of external judgement: Pol. *godność* and Russian *dostoinstvo*.

KEY WORDS: cultural semantics, values, dignity, honour